

Сагитова Ирина Олеговна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (г. Владивосток)

Прозорова Галина Владимировна

Кандидат исторических наук, научный сотрудник центра по изучению русской эмиграции в странах АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток)

**Миссионерские школы для корейских детей
на территории Приморского края
(втор. пол. 19 в. - н. 20 в.)**

Параллельно с организацией миссионерских станов шел процесс становления русских школ для детей корейцев русско-подданных. Впервые идею о создании такой школы высказал в 1866 г. военный губернатор Приморской области. Он предлагал открыть школу в Посыетском районе - месте поселения основной массы иммигрантов. Первая школа была открыта в 1868 году в с. Тизинхэ. Обучалось в ней 20 детей. Через год из-за отсутствия средств школу пришлось закрыть.

Понимая всю важность организации таких школ в 1870 г. генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков ходатайствовал об учреждении в Приморской области двух школ. Одну он предлагал открыть в Посыетском районе, а вторую - в любом другом месте. Все расходы по содержанию школ предполагалось отнести на Амурский кредит, но не более 150 рублей на каждую школу. Несмотря на эти условия школы, не были открыты.

Посетивший край в 1873 г. великий князь Алексей Александрович, пожертвовал 300 руб. корейцам Тизинхэнской во-

лости на устройство школы. Одновременно в Янчихэнской волости контр-адмирал Краун по просьбе корейцев организовал здесь школу. Школы существовали до 1876 г.

К 1894 г. в Приамурской губернии имелось 10 корейских школ, в основном фанзовой постройки: 6 на территории Посьетского участка, в с. Заречье, Красное село, Новая деревня (Чурихэ), Янчихэ, Тизинхэ, Адими; 4 - на Суйфунском участке, с. Кроуновка, Синельникова, Корсаковка, Пуциловка. Учеников насчитывалось 277, среди них не было ни одной девочки. По свидетельству русского исследователя В.Ю. Шмидта в 1899 г. в Южной части Приморского края существовало 33 корейских деревни, в них проживало 14247 человек. Исследователь отмечает, что « каждая корейская деревня не жалея средств старается устроить у себя русскую школу. И благодаря этому в 1900 г. в Приморской области имелось в корейских деревнях 18 школ с 597 учащимися ».

С учреждением Камчатского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества организацией школьного дела у корейцев занимается миссия. В 1902 г. на территории края ей организовано 29 школ: 14 имели программу церковно-приходской школы, 15 - школ грамот. Обучалось в них более 1000 человек, причем девочек было очень мало, что объясняется традиционным укладом жизни корейского общества, где женщина рассматривалась, прежде всего, как хранительница очага, мать и какие-то дополнительные знания ей были не нужны. Число школ постоянно менялось, одни из-за отсутствия средств и помещений закрывались, другие открывались.

В первые годы своего существования школы имели большие трудности в своей работе, связанные с отсутствием квалифицированных учительских кадров. Это приводило к тому, что в школе часто оказывались случайные люди: священники, псаломщики, частные лица. Многие из них не знали корейского языка, а дети и местное население не разговаривали по-русски. Главной задачей процесса обучения они считали

механическое заучивание на память и не стремились, а порой даже не знали, как сделать процесс преподавания доступным и интересным для детей. Иногда процесс обучения принимал уродливые формы, как это было в 1899 г. в Зареченской одноклассной школе, где учителем был запасной нижний чин с начальным образованием и не имевший никакого понятия об обучении. Проверка этой школы показала, что «дети совсем не могли говорить по-русски. Ни один из самых старших учеников не мог ответить на вопрос: «как тебя зовут?» Введены были казарменные привычки. Ученики вытягивали руки по швам, поднимали голову кверху и постоянно повторяли выражения: «точно так» и «рады стараться».

С помещениями дело обстояло не лучше. Школы располагались в старых корейских фанзах, где дверь одновременно служила и окном, давая тусклый свет даже в ясную погоду. При некоторых школах имелись общежития для учеников. В одном из отчетов епархиального наблюдателя за 1905 г. встречается описание общежитий при Корсаковской и Синеловской школах. Общежитие представляло собой обычный тип корейской фанзы, разделенной на две половины. В одной жили ученики отдаленных от школ на 3-7 и далее верст местностей, а другая служила кухней общежития и помещением для школьного сторожа. Ученики в общежитии вели образ жизни по-корейски. Спали на нарах, ели обычную корейскую еду... Сторож для школы, он же повар, нанимался сельским корейским обществом. Проживающие в общежитии ученики время от времени приносили из дома провизию, главным образом, рис, чумизу и кимчи из капусты, из которых и приготавливалась сторожем их незатейливая пища.

Постепенно ситуация менялась в лучшую сторону, так как корейцы, прожившие несколько лет в иной культурно-бытовой и языковой среде понимали важность и необходимость образования для своих детей, что позволило бы тем легче интегрироваться в новую национальную структуру и достичь определенного социального успеха.

С появлением приходов и корейских школ, а также при постоянном росте обращенных в православие корейцев в 1909 г. назрела необходимость в устройстве катехизаторского училища и в открытии курсов для миссионеров при Владивостокском Институте Восточных языков. По мнению известного синодального миссионера-проповедника протоиерея Иоанна Восторгова катехизаторская школа могла бы готовить работников для миссии в Сеуле и заграничной Корее, а в людях, прошедших подготовку на миссионерских курсах нуждались заграничные миссии и корейцы, проживающие в пределах русских епархий Сибири и Дальнего Востока. Корейцы русско-подданные с одобрением отнеслись к этому предложению: жители с. Янчихэ Посьетского участка предложили «три прекрасных здания, землю и 1000 рублей ежегодно», а корейцы Владивостока «8000 на постройку школы во Владивостоке и 1000 ежегодно». По данным Хабаровской выставки в 1913 г. почти в каждой деревне имелась школа, одна школа приходилась на 438 человек корейцев русскоподданных. Обучались почти все дети школьного возраста, их число составляло 1492 человека или 92,2%.

В 1912 году в школах работало 167 учителей: 2 из них имело два курса университета, 25 - окончило средние общеобразовательные, духовные или светские, учебные заведения; 18 - имело специально- педагогическое образование; 111 - свидетельство на звание учителя или учительницы одноклассной школы. В это же время корейцы стали направлять мальчиков на обучение в Иркутскую и Казанскую учительскую семинарию.

Сохранилось большое количество описаний прекрасных, отвечающих требованиям того времени школ. Всего в Примурском крае в 1914 г. насчитывалось 168 миссионерских школы. В них обучалось 8193 ребенка, 4934 мальчика и 3259 девочек. По национальностям школы распределились следующим образом: 107 - русских, 3 - молдавских, 29 - корейских, 24 - камчадалских, 2 - корякских. К 1917 г. на терри-

тории края насчитывалось 182 корейских школы, созданных на средства населения и 43 правительственных школы, где обучалось 8349 детей и работало 345 учителей.

Полный курс обучения в одноклассной миссионерской школе составлял 4 года, в двухклассной - 6 лет. Учебный год начинался во второй половине августа, а в сельских школах - во второй половине сентября, а заканчивался в конце апреля и был привязан к сельскохозяйственному календарю корейцев. Все учащиеся делились на три группы: младшую, среднюю и старшую. В школах преподавали Закон Божий в объеме Ветхого и Нового Заветов, молитвы и литургику, четыре правила арифметики, чтение и чистописание. В некоторых школах вводилось церковное пение. Учитывая незнание или плохое знание русского языка, первые годы обучение ребенка велось на корейском языке, а затем частью на корейском и на русском, часто учителями были местные корейцы.

Характерно, что большинство средств на школьные нужды, постройку зданий, добавочные вознаграждения учителям, стипендии выплачивались из волостных средств. Как отмечается в отчете епархиального наблюдателя за 1907 г.: «в то время как русские при предложении открыть у них школу, предлагают: нельзя ли все расходы отнести на казенный счет: корейцы, при небольшом пособии от миссии строят новые дорогие школьные здания и платят не менее половины своими деньгами, не считая расходов по отоплению школьного здания и на сторожа».

Большое внимание уделялось внешкольной воспитательной работе, что позволяло привить детям христианское мировоззрение, как отмечалось во Владивостокских Епархиальных Ведомостях: «церковная школа, находясь в тесной связи с храмом Божиим, является могущественным орудием в руках миссии в деле христианского просвещения корейцев» и приобщения их к русской культуре.

Организовывались различные школьные кружки, дети принимали участие в уборке храмов, регулярно посещали богослужения. Одновременно школа являлась центром мест-

ной культурной жизни: для взрослого населения создавались школы грамоты и народные бесплатные библиотеки - читальни, устраивались беседы со священнослужителями. Во время первой мировой войны дети своими руками мастерили подарки на фронт к Рождеству и Пасхе, собирали пожертвования. Во многих корейских школах проводились новогодние елки. Средства на их проведение жертвовала местная интеллигенция и приход. Например, школьная рождественская елка для учащихся Посьетского стана в 1907 г. проходила в доме местного крестьянина К.А. Кима. Средства на проведение праздника пожертвовала местная интеллигенция. Школьный праздник проходил весьма оживленно: дети декламировали стихи и басни, пели песни, в том числе и на родном языке, «что вызвало слезы радости у многих корейцев». В конце праздника был устроен ужин и детям подарили подарки. На празднике присутствовало 90 детей, жители с. Ендаузэ и окрестных деревень. В 1908 г. Адиминский волостной старшина Югай купил для Адиминской двухклассной школы кинематограф за 135 руб. Миссионерские церковно-приходские школы служили делу христианского просвещения и приобщали корейцев к русской культуре.

Под влиянием миссионеров многие корейцы начали заниматься пчеловодством, шелководством и садоводством. В обучении пчеловодству особенно преуспел о. Сергей Лебедев из Пуциловки. В с. Синельникове по настоянию о. Иоанна Рязановского и под его руководством кореец Иоанн Ан на своем участке посадил тутовые деревья. В с. Новокиевское, Янчихэ, Посьет, Краббе, Чизинхэ, Славянка и урочище Барабаш на территории миссионерских школ были посажены тутовые деревья. Пчеловодством успешно занимался кореец Петр Ким из с. Заречье. Подпах, Варягина, Дрекалович и другие русские православного вероисповедения оказывали материальную помощь миссионерским школам. Зачастую при крещении восприемниками корейцев оказывались русские граждане.

Деятельность миссионерских школ в воспитании и образовании детей вела к разрыву традиционных межпоколенных культурных и религиозных связей. В среде переселенцев появляются образованные грамотные люди, занимающие более высокое социальное положение, чем их отцы и деды, что подтверждается воспоминаниям одного из современников: «из 19 корейских школ в 10 учителями состоят корейцы-семинаристы, все общественные должности сельских и волостных писарей, а также старшин замещены корейцами. В магазинах крупных торговых фирм приказчиками служат корейцы, в различных мелких и средних промышленных предприятиях агентами служат корейцы, корейцы служат в правительственном телеграфе, корейцы держат в своих руках различные подряды по снабжению войск продуктами...». Большим авторитетом в Приморском крае пользовались священники Василий Огай, Василий Пак, Федор Тянь, Роман Ким, Мефодий Хван, Василий Лян, учителя А.Н. Пан, Г.В. Ким, Ф.И. Ким, Д.В. Кан, Г.В. Огай, фельдшеры С.М. Югай, А.Х. Пак, переводчики с восточных языков Е.И. Пак, Ф.Н.Ти, М.В. Югай, В.Р.Цхай.

Однако следует учитывать, что интеграция корейцев в новую национальную структуру проходила не всегда успешно. Близость нового жительства с исторической родиной и относительное обособление корейских деревень от русских породило мнение у части корейских переселенцев, что они «живут не в России или Русском государстве, а в «Русской Корее». По этой причине часть переселенцев не считала нужным обучать своих детей русскому языку и грамоте, детей такие люди отдавали в школу по принуждению старосты или волостного старшины. Либо обучали ребенка в подпольных школах корейскому языку и грамоте.

Подпольные школы существовали до 1920-х годов, сведения о них немногочисленны. Например, в 1908 г. в с. Синельникове, Покровской волости существовала одноклассная школа с двухгодичным курсом бесплатного обучения. Учите-

лями в школе были два корейца - буддист и католик. Жалование учителя получали из собранного на это специального фонда. В школе преподавали географию, арифметику, чистоеписание, русский язык (по словарю), законоведение, образцы деловых сношений, зоологию, ботанику, анатомию, физику, корейский язык и историю Кореи.

Иногда процесс обучения и воспитания был направлен на формирование у ребенка антироссийских взглядов. Например, в июне 1914 г. священник Зареченского стана Иоанн Толмачев обнаружил в деревне Пакси, своего уезда, школу, где преподавание корейского языка и грамоты велось по учебникам, изданным в Японии. Кроме этого, на страницах учебника рукой учителя были написаны две агитационные речи, называющие корейцев русскоподданных - рабами русских и обещающих им возвращение на свободный Корейский полуостров. Русская администрация была обеспокоена наличием такого рода школ и считала, что они должны находиться под контролем Церкви или Министерства Народного Просвещения.

Часть интеллигенции говорила о необходимости создания учебника корейского языка для переселенцев на основе русских учебников, объясняя это тем, что «народ, лишь недавно утративший свою политическую самостоятельность, болезненно дорожит своим прошлым, своими обычаями, языком, письменностью». Стремление обучать детей родному языку и грамоте было столь велико, что там, где в программу преподавания не вводились эти предметы, местное корейское население по своей инициативе приглашало учителя и выплачивало ему зарплату из волостных средств. Учебники, применяемые в процессе обучения на территории России, были те же, по которым велось преподавание в школах самой Кореи. Создавались они в Японии, при участии некоторых корейцев-японофилов. Методика преподавания была основана на конфуцианстве и направлена на приобретение очень ограниченного запаса элементарных знаний, необходимых

для практической жизни, к тому же, главной их целью было воспитать преданное и законопослушное Японии поколение корейцев, учитывая эти недостатки, применение учебника в России было недопустимым. Поэтому в начале 20 века в крае начинает свою работу комиссия по подготовке учебников для корейских школ на территории России. Председателем ее был известный в крае ученый востоковед Г.В. Подставин.

Значение миссионерских школ для развития однозначно установить довольно трудно. Данные, на основании которых можно сделать однозначный вывод, противоречивы: либо говорится, что выходили малограмотные люди, плохо владеющие русским языком и грамотой; либо приводятся обратные сведения. Однако, несмотря на негативные моменты, корейский ребенок приобретал знания, умения и навыки, приспособляющие его к новым условиям быта и труда, и помогающие ему осознать свою новую социальную принадлежность как гражданина России.